

идейный итог «Мцыри»: лишь ощущение свободы приносит человеку счастье, какой бы ценой ни приходилось потом за него платить, прекрасна сама жажда борьбы, сама готовность к действию, волевая собранность и целеустремленность. В лермонтовской поэзии, отмечает Е. М. Пульхритудова, «воля к действию и жажда самопознания тем сильнее, чем неблагоприятнее внешние условия, чем неотвратимее законы судьбы» [10, с. 275].

В глазах Лермонтова действие — необходимая форма существования идеи. Духовное могущество исключительной романтической личности предопределяет тем самым безграничность ее воли, способность к великим свершениям. Воля, в представлении Лермонтова, это — доминанта личности, центр ее духовного мира. Воля, говорится в «Вадиме», «заключает в себе всю душу», «воля есть нравственная сила каждого существа», она — «отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса» [1, т. VI, с. 94]¹.

В этой связи центральное значение для Лермонтова приобретает вопрос об этической природе волевого акта, духовных и моральных стимулах индивидуалистической героини, ибо с нравственной точки зрения культ волевой активности отнюдь не безопасен. С одной стороны, полагает поэт, воля есть «отпечаток божества», и, следовательно, сопряженная с ней жажда деятельности санкционирована свыше. А сама героическая активность есть не что иное, как борьба с мировым злом, попытка восстановить предустановленную гармонию. С другой же стороны, в атмосфере всеобщей пассивности и бездеятельности желание борьбы выступает не иначе как конфликт с целым миром — вызов судьбе, року.

Так завязывается внутренний, неразрешимо-трагический конфликт лермонтовской лирики: бороться во имя высших идеалов наперекор судьбе с целым миром — значит мстить людям, «толпе», обществу, самому богу за невозможность эти идеалы осуществить. Желание блага, таким образом, нераздельно слито с необходимостью зла. Ангельская чистота и детская беззащитность поэта-пророка неизбежно приводят его к мятежу, к позиции гордого демонизма:

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей;
С такой душой ты бог или злодей...

[1, т. I, с. 181].

Комментируя эти строки, Б. М. Эйхенбаум писал: «Идея самопознания и связанная с ней проблема добра приводит Лермонтова к вопросу о высоком зле — о „гордой душе“, которая должна мстить за гибель добра» [11, с. 194]. Действительно, демонизм может быть назван вынужденной этической позицией поэта — ответной реакцией на царящую в мире несправедливость.

Вместе с тем действие, волевая активность неразрывно связана в сознании поэта с причастностью ко злу. Как и твердую волю, ее тоже нужно культивировать, воспитывать, упражнять (по видимости бесцельные и жестокие эксперименты Печорина над окружающими получают тем самым внутреннее оправдание и смысл). «Самое зло, рассматриваемое с этой точки зрения, — отмечает В. Ф. Асмус, — определяется и даже оправдывается как условие и форма действия и торжества именно воли»

¹ Вопрос о примате воли как характерной черте мирозерцания Лермонтова рассмотрен в упоминавшейся уже работе В. Ф. Асмуса [см. 3].